

М. С. СИНИЦЫН

ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ЛУЗАНОВКЕ*(по раскопкам 1929—30 и 1937—39 гг.)*

Древнее Лузановское поселение (Пригородный район г. Одессы) занимало крайний выступ левого берега Куяльницкого лимана (северная часть Одесского залива), располагаясь на высоком плато (15,6 м над уровнем моря), где в настоящее время находится детский курорт. К северу Лузановское плато чуть возвышается и сливается с равнинной степью.

Раскопками, проведенными Одесским Государственным Археологическим музеем в 1929—30 и в 1937—39 гг., обнаружены на этом древнем поселении значительные строительные остатки и большое количество бытового материала. К сожалению, документация раскопок сохранилась не полностью, и к тому же она иногда велась не с должной тщательностью, что затрудняет в большей степени понимание тех или иных фактов.

По частично сохранившимся чертежам, фотографиям и слишком кратким дневникам можно описать находки и выделить отдельные строительные периоды по комплексам, раскопанным в 1937—1939 гг. О материалах же раскопок в 1929 и 1930 гг. можно составить лишь общее представление по краткому отчету и отрывкам дневников.

Тем не менее, можно установить, что раскопками 1929—1930 гг. были обнаружены полуземлянки, ямы, а также каменные завалы, которые, возможно, являлись остатками надземных сооружений.

Из ям часть является углублениями (0,18 м — 0,30 м) не совсем правильной формы, засыпанных глиной и кирпичом-сырцом, изредка попадались древесный уголь и зола. (Эти углубления имели размеры: № 1 и 2 длина — 2,10 м, ширина — 1,80 м и глубина 0,25 м; № 6 — длина 1,70 м, ширина — 1,55 м, глубина 0,18 м; № 7 — длина 2,26 м, ширина 1,21 м, глубина 0,30 м). Некоторые из них были сплошь завалены сырцом, а в других его было много, что, безусловно, не может быть случайностью. Можно думать, что завалы сырца являются остатками сырцовых стен разрушенных строений, которые для утепления были немного врезаны в грунт. Наличие в засыпке значительного количества золы и древесных углей позволяет думать, что кровли этих построек состояли из соломы и дерева, а возможно и глины.

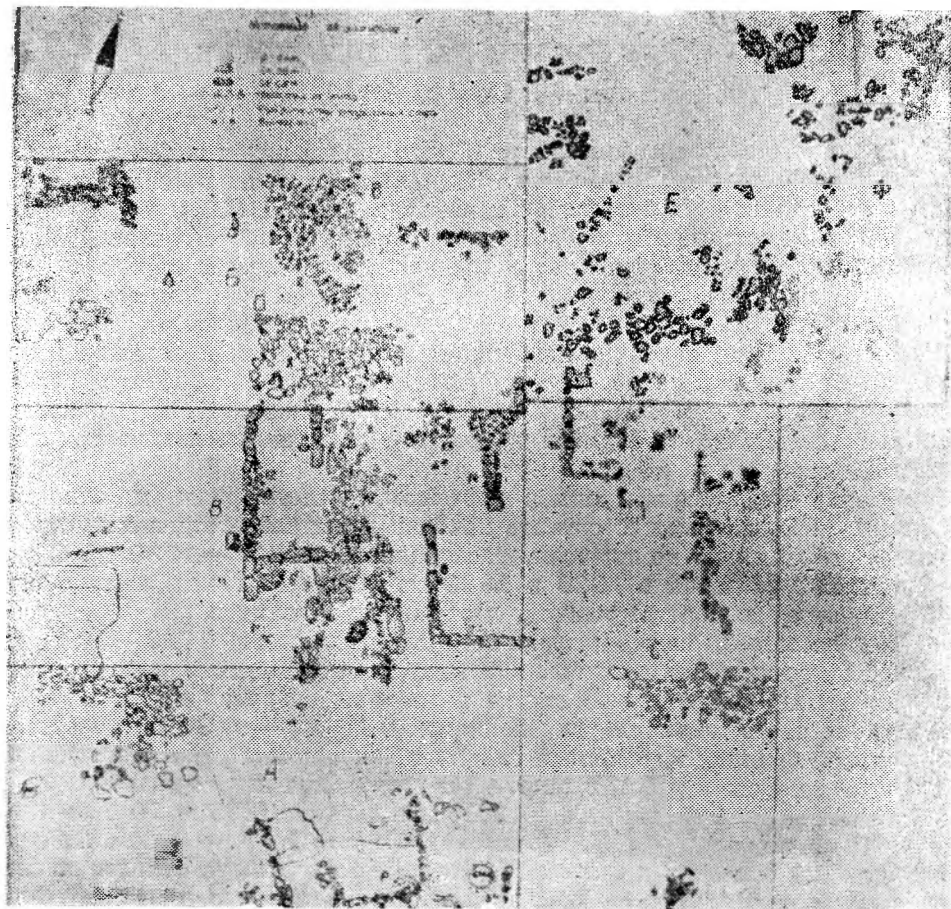
В придонной части углублений найдено много бытового материала, особенно обломков сероглиняной лепной посуды. Можно предположить, что эти углубления являются остатками жилищ.

Ямы №№ 3, 5, 8, 10 имели в плане почти правильную круглую форму, вырезаны они все в материке. Верхний диаметр каждой ямы значи-

тельно меньше нижнего. Засыпка их состояла из земли с примесью золы и камня. В засыпке попадались обломки глиняной посуды, главным образом лепной сероглиняной, раздробленные кости домашних животных, преимущественно крупного рогатого скота.

Яма № 2 по своей засыпке отличалась от прочих ям; в ее засыпке чернозем был смешан с песком.

Находки в ямах незначительны, за исключением ямы № 5, где на дне найдены сильно закопченные камни, под которыми находилось большое количество обломков лепных сосудов, золы, углей и развалившиеся остатки сырца. На уровне пола ямы, в материке, под восточным бортом сделан подбой высотой 0,54 м, шириной 0,37 м, что напоминает яму-жилище, открытую на Варваровском поселении в 1938 году¹.



План.

Следует отметить, что яма № 2 и яма № 3 соединены между собой двумя каменными брусками. Функциональное назначение этих ям уяснить трудно. Яме № 10 сопутствует каменный круг, параллельный ее горлу.

¹ Н. П. Шувальц. Яма-жилище в скифском поселении близ г. Николаева. КСИИМК. 1949, № 5, стр. 71—75; О. А. Артамонова. Древнейшее поселение на о. Березани. КСИИМК. 1940. № 5, стр. 49—54.

Этот каменный круг сделан очень аккуратно из небольших известковых плит, старательно уложенных в несколько рядов и скрепленных глиной. На пробке этой ямы лежала большая известняковая плита. Это типичная яма для хранения хозяйственных запасов.

Размеры упомянутых ям: верхний диаметр их колебался от 0,56 м до 1,3 м, нижний — от 1,29 м, до 1,59 м, глубина в материке — от 0,81 м до 1,07 м. Яма № 10 (верхний диаметр 0,61 м) не была докопана до конца, а только до глубины 1,35 м, где диаметр равнялся 1,10 м. В ее засыпке найдены остатки проса.

Ямы № 4 и 9 отличаются от описанных ям. Они находились в углублении глинобитной постройки ниже ее пола. По форме эти ямы напоминали кадки, имеющие верхний диаметр 0,95 м, нижний — 1,04 м, при глубине 0,40 м. Заполнены они в верхней части камнями, возможно, свалившимися туда из разрушенного строения, землей со значительной примесью золы и большим количеством амфорных обломков. В дне последних двух ям углубления — гнезда для амфор. Место расположения, величина, а особенно углубления для амфор убедительно говорят о функциональном назначении этих ям: они неоспоримо являлись погребками.

Остатки надземных сооружений, раскопанных в течение нескольких сезонов с 1937 по 1939 гг., можно разделить по глубине их залегания на три строительных периода: 1) остатки, залегающие на глубине 0,40 м, 2) на глубине до 0,65 м, 3) на глубине до 0,85 м. Строительные остатки первого периода ничтожны: они разрушены здесь хозяйственной деятельностью.

В северо-западной части участка «А» (План) обнаружены многочисленные каменные плиты (известняк), длиной до 0,75 м и шириной 0,50 м. Плиты лежали плашмя на одном уровне и производили впечатление вымостки. С южной стороны этих остатков, предполагаемой вымостки, лежали в одну линию, направленную с запада на восток, 4 несвязанных между собой камня, возможно остатки основания стен. С севера возле двух камней на этой линии находилась вымостка, сложенная из гальки (План, а) со следами огня. К северо-востоку от вымостки «а» отмечены две крупные плиты, вкопанные на ребро (План № 6) и несколько завальных камней.

К северу на участке «В», под прямым углом к двум вкопанным на ребро камням, расположены четыре крупные плиты, также вкопанные (План, 6а), ориентированные с запада на восток.

Между строительными остатками 6а и предполагаемой вымосткой на участке «А» обнаружено углубление в 0,15—0,18 м глубиной, длиной в 4,50 м и шириной в 4 м. Северная сторона углубления приблизительно по прямой направлена с запада на восток. Северо-восточный угол углубления мягко закруглен. Восточная сторона углубления приблизительно до половины идет по прямой, а дальше мягко поворачивает к западу приблизительно на 1 м, и чуть повернув к востоку, направляется на юг и уходит под вышеописанную вымостку. У западного борта, в углублении, приблизительно в 1 м длиной и в 1 м шириной, обнаружена была площадка из обожженной глины, на которой лежали плашмя 2 известняковые плиты со следами действия огня. В северо-восточной части углубления сохранились следы пола.

У западного борта участка «Б» обнаружено несколько плит значительной величины, одна из них размером 1×0,75 м и несколько мелких камней (План, «а»). Северо-западнее этой группы камней один камень вкопан на ребро.

Строительных остатков слоя до 0,40 м раскопками 1937—1939 гг. больше не обнаружено. Они, вероятно, разрушены последующей хозяй-

ственной деятельностью. Этот слой на основании керамических находок (обломки каннелированных амфор, обломки сероглиняной посуды, сделанной на гончарном круге и орнаментированной прямыми линиями и лощением) можно отнести к первым векам н. э.

Раскопки 1929, 1930 годов производились в местах, примыкающих непосредственно к описанным строительным остаткам с запада, но, к сожалению, графическая документация этих раскопок не сохранилась, за исключением отрывков дневников. Судя по найденным материалам (глубины их залегания в дневниках не указаны), можно предположить, что строительные остатки наземных сооружений, обнаруженные упомянутыми раскопками, могут быть частично отнесены к нами установленному впереди строительному периоду, залегающему на глубине 0,40 м от поверхности (план раскопок 1929—1930 гг. не найден).

Обнаружена была глиняная площадка (мощность 0,20 м), залегающая на 0,20—0,40 м от поверхности, т. е. на уровне последнего строительного периода. В западной части она состоит из красной утрамбованной глины, в восточной — из светлой (необожженного кирпича). Южная сторона площадки была разрушена.

На краю глиняной площадки, судя по дневнику, обнаружена обожженная кладка из небольших плоских галек, которые лежали пятью слоями один на другом. Между слоями гальки отмечены прослойки из ракушек.

Глиняную площадку, судя по тому, что в этом слое в 1930 г. найдена ольвийская монета времени Александра Севера, можно отнести к первым векам н. э.

К северу от кладки из гальки покоился ряд известняковых плит, поставленных на ребро. Севернее же глиняной площадки, примыкая к ней, расположены были два помещения, стены которых мощностью в 0,25 м сохранились очень плохо, за исключением одной с отчетливо выраженной структурой. Состояла она из нескольких слоев красной глины, между которыми прослеживаются тонкие слои (0,01 м) желтой глины. Помещения разделялись между собой стеной, фундамент которой сложен из известняковых плит. От фундамента сохранились три—четыре слоя. Между плитами, из которых сложен фундамент, сохранилась глина, скреплявшая плиты. Фундамент простенка и основания глиняных стен находились глубже глиняной площадки на 0,20 м, что дает право отнести эти строительные остатки к более раннему строительному периоду. Северо-восточный угол восточного помещения был укреплен тремя камнями, а северо-западный двумя. В восточном помещении сравнительно хорошо сохранились остатки пола, сделанного из желтой хорошо утрамбованной глины. На полу зафиксированы обломки глиняной посуды, камни и зола.

Севернее указанных помещений обнаружены остатки фундамента стены, состоящего из известняковых плит, поставленных на ребро в два ряда. Между плитами пространство заполнялось черноземом, в котором попадались комки глины, мелкие обломки глиняной посуды и обломки костей животных. Почти в середине этого фундамента лежали несколько плит известняка и производили впечатление порошка. Такой же порог намечался и в западной части стены. С южной стороны, возле этого фундамента, лежали плашмя несколько плит. Возле остатка фундамента стены попадались зола, угли, обожженные камни и необожженные кирпичи.

Остатки строения из «лампача», остатки фундамента из плит, вкопанных на ребро, залегавшие на глубине 0,60 м от поверхности, датируются керамическими находками. Обломки лепной керамики иногда были орнаментированы пальцевоногтевыми вдавливаниями по верхнему краю венчика или ногтевыми насечками под горлышком, на верхней части ту-

лова сосудов. Посуда эта была сработана из темной массы, слабо обожженной, поверхность ее часто серого, а иногда коричневого цвета.

В восточном помещении были найдены обломки лощеной сероглиняной и чернолаковой посуды. Среди последних обломков — обломок каннелированного канфара и обломок чашки со штампованным орнаментом. Орнамент лепной посуды и качество черного лака позволяют этот слой отнести к IV—II вв. до н. э.

Продолжением этого слоя, залегающего на глубине 0,60 м от поверхности, являются сравнительно многочисленные, хотя и недостаточно выразительные строительные остатки, раскопанные в 1937—1939 гг. (План).

На участке «А», вдоль южного края, с запада на восток тянутся остатки фундамента стены № 3 (План, З), которые прослеживаются на протяжении 3,25 м. В восточной части этого фундамента лежала большая известняковая плита в 0,75 м длиной и около 0,50 м шириной, а в западном конце находилась вторая крупная плита, но размерами несколько меньше первой. От западного конца в северо-западном направлении находилось 8 плит значительных размеров и несколько мелких камней. Параллельно расположению этих восьми плит, приблизительно в двух метрах западнее их, находились остатки фундамента стены № 1 (План, П). Длина остатков фундамента стены № 1, сориентированного с юго-востока на северо-запад, равнялась 3,75 м. Сложен фундамент стены № 1 из плоских сравнительно небольших плит.

Параллельно фундаменту стены № 1 залегал фундамент стены № 2 длиной в 4,70 м, сложен так же как и фундамент стены № 1. Восточный конец фундамента стены № 3 и южный конец фундамента стены № 2, встречаясь, образуют приблизительно прямой угол. В этом углу сохранились остатки вымостки из голышей (План, Р), аналогичной открытой при раскопках на о. Березань¹. Вымостка из голышей занимала только юго-восточный угол помещения, в северной части его обнаружены остатки второй аналогичной вымостки. Южная половина помещения, намеченная остатками фундаментов стен №№ 1, 2, 3, имела частично сохранившийся глинобитный пол мощностью до 0,01 м. С востока к северной половине фундамента стены № 1 прилегал пятно из обожженной глины, имевшее приблизительно длину 2 м и ширину 2 м.

Западнее южного конца стены № 1 находилась группа завальных камней, возможно образовавшаяся в результате развала стены № 3, продолжавшейся дальше в западном направлении. В 3,50 м западнее фундамента стены № 1 находились группы плоских камней, из которых четыре лежали в ряд, имея направление параллельно стене № 1.

Восточнее стены № 3, как бы продолжая ее, лежали в ряд два плоских камня. Параллельно стене № 2, на расстоянии 3,25 м от нее, находилась группа камней, возможно остатков фундамента стены. От северного конца фундамента стены № 2, к востоку от него, лежали плашмя три крупные известняковые плиты, имея общее направление к востоку.

Остатки фундаментов этих стен, четыре камня, находившиеся параллельно стенке № 1 и западнее ее, завал, расположенный параллельно стене № 2, восточнее ее, дают основание предположить существование здесь значительного строения, состоявшего из трех камер и имевшего длину около 12,50 м и ширину около 4,70 м. Центральное помещение этого предполагаемого строения равнялось 5,90×4,70 м. Восточная камера и западная — размерами меньше центральной камеры. Площадь предполагаемого строения в целом могла равняться 50—60 кв. м.

¹ ЗООИД, т. XXVII, приложение, стр. 69.

В юго-восточном углу восточного помещения (предполагаемого строения) обнаружена яма, верхний диаметр которой равнялся 1 м, а нижний 1,20 м при глубине в 1 м. Эта надкообразная яма заполнена была землей, в которой попадались камни, обломки амфорных стенок и лепной посуды. Судя по форме ямы, по ее местоположению, можно думать, что она являлась погребком для хранения запасов.

Судя по остродонным амфорам, найденным в только что описанном комплексе, которые хранятся в фондах Одесского Государственного Археологического музея, этот комплекс можно датировать III в. до н. э.

В юго-восточной части участка «А» находилась группа камней, имевшая направление с севера к южному борту раскопа. Плоские плиты известняка в северной части группы лежали один на другом и производили впечатление завала, а в южной части они были расположены по два, иногда по одному, имея четкую направленность к югу, и производили впечатление остатков кладки фундамента (План, За). Уровень залегания этой предполагаемой кладки был такой же как и кладок упомянутых стен.

На этой же глубине (0,60 м от поверхности) в северной части участка «А» обнаружена группа завальных камней, имеющая направление с юга на север. Длина открытой части этого завала равняется 6,50 м, ширина 2,50 м. Состоит он из плоских крупных и мелких камней, лежащих плашмя. В юго-восточной его части лежат в ряд две плоские плиты со следами обработки и производят впечатление сознательно уложенных. На линии, намеченной направлением указанных двух плит, на участке «В» лежало несколько подобных им плит. Эти три плиты намечают, вероятно, остатки разрушенной кладки.

На этой же глубине (0,60 м от поверхности) на участке «В» обнаружены хорошо сохранившиеся остатки фундамента стены № 12. По принципу кладки камней она напоминает остатки кладок стен на участке «А». От кладки стены № 12 сохранились два нижних ряда плоских известняковых плит различной величины, плотно пригнанных друг к другу. Нижний ряд плит был уложен на черноземе. Эта кладка, ориентированная приблизительно с севера на юг, хорошо сохранилась на протяжении 6 м. К северу от ее северного конца на той же линии проходит граница завала «в», и крайние северные камни этого завала являются, вероятно, продолжением стены № 12 (План, «б»). Западная сторона завала равна приблизительно 4 м. Приняв западную границу завала «в» за продолжение кладки № 12, можно думать, что эта стена в целом равнялась 10 м. Немного глубже кладки № 12, к востоку от нее и параллельно ей, расположен завал «в₁», который северной своей частью сливается с завалом «в». Различной величины камни завала лежат в беспорядке, плашмя, но некоторые из них производят впечатление уложенных сознательно и особенно в части, обозначенной «в». Остатки фундамента стены № 12 и завала «в» и «в₁» своей общей конфигурацией дают возможность предполагать здесь наличие остатков строения, сориентированного с севера на юг, длиной 10 м, шириной немного более 4 м.

Юго-восточнее южного конца завала «в₁» находится вымостка из небольших плоских плит известняка, среди которых три плиты значительных размеров. Самая большая из них длиной в 1 м и шириной в 0,50 м. Из двух других одна растрескалась на части. Юго-западнее южного конца завала «в» обнаружен завал из мелких и крупных камней.

К северу от завала «в» находится большая группа мелких и довольно крупных известняковых плит, лежащих плашмя на той же глубине, что и завал «в» (План, «г»). Некоторые плиты, сравнительно крупные, производят впечатление сознательно уложенных, как плита, лежащая к северовостоку от этой группы. На линии этой плиты, идущей с востока на запад,

расположены еще три хорошо уложенных плиты. Эта группа производит общее впечатление вымостки, хотя камни, имеющие направление с востока на запад, могут быть признаны и остатками кладки (План, 19).

В северо-западной части участка «Е» находится группа камней, имеющая направление с востока на запад (План, 29).

Камни этой группы мелкие, которые обычно без крупных плит не укладывались в фундаменты построек, но строгая их направленность дает возможность предположить, что это остаток фундамента стен, из которых выбраны крупные камни. Мысль эта подтверждается наличием на этой же глубине на этом участке бытового материала XIX в.

Южнее описанной группы, на той же глубине (0,60 м от поверхности), находилась группа из сравнительно крупных и мелких камней (План, 28). Камни, как правило, лежали плашмя, отдельно, а некоторые наискось один от другого, т. е. были явно завальными. В юго-западной части этой группы несколько камней лежало по два в ряд по прямой, имея направление приблизительно с запада на восток.

На границе участка «Е» и «Ф», у северного борта раскопов, обнаружен полукруг, выложенный из плит различной величины (План, Л). Такие полукруги из камней в Северном Причерноморье обычно являются пробками хозяйственных ям скифо-сарматского времени.

На участке «Е» и «Ф» на той же глубине (0,60 м от поверхности) группы камней № 27, № 26, № 24 и другие настолько невыразительны, что останавливаться на них здесь нет смысла.

Строительные остатки, залегающие на глубине 0,80 м, вскрытые в нескольких местах, отличаются от остатков строений, залегающих на глубине 0,60 м, не только строительными приемами, но и материалом (каменьями), из которых они сложены.

От остатков фундамента стены № 11 (План, уч. «В») сохранились только две тесанные известняковые плиты. Каждая из этих плит длиной в 0,75 м и шириной в 0,30 м, уложены на поверхности времени строительства. К северному концу остатка фундамента стены № 11 примыкает под прямым углом фундамент стены № 10, идущей в восточном направлении. Длина фундамента стены № 10 равняется 2,50 м. Западная часть фундамента сложена из двух плит, положенных в ряд, восточная из двух длинных узких плит, уложенных параллельно. К восточному концу фундамента стены № 10 примыкает остаток фундамента № 9, направленный приблизительно на юг, так же, как и остаток фундамента № 11. Остаток фундамента № 9 сложен также из крупных тесанных плит. Остатки фундаментов стен № 9, № 11 и фундамент № 10 являются остатками северной части помещения, ориентированного приблизительно с севера на юг. Остатки стен только что описанного помещения дают общее представление о незначительности его размеров.

Севернее остатков намеченного строения, на линии остатков фундаментов стен № 9, обнаружен остаток фундамента стены № 13 (План, 13), длиной в 2,10 м. Остаток этого фундамента не только по глубине залегающий, но и по способу кладки, и по обработке камней, и по направлению связывается с остатком фундамента стены № 9.

В северо-западном углу помещения, намеченного остатками фундаментов № 9 и № 11 и фундаментов стены № 10, обнаружена часть сохранившегося пола, образованного подсыпкой на утрамбованную землю мелкого гравия и битых ракушек, сверх чего уложены плоские голыши (План, «б»).

Восточнее описанных строительных остатков, на той же глубине (0,80 м от поверхности), на участке «В» обнаружен юго-западный угол помещения, составленный остатками фундаментов стен № 7 и № 8

(План, 7, 8). Длина остатка фундамента стены № 8 — 4,90 м, а № 7 — 4 м. Остаток фундамента стены в северной части сложен из крупных тесанных камней, на стыках между которыми уложены маленькие тесанные камни. Таким образом северная часть остатка фундамента стены № 8 состоит из трех крупных плит и двух маленьких. На расстоянии 2,50 м от северного конца этот фундамент сложен из мелких камней, а южный конец этого остатка фундамента состоит из двух хорошо обтесанных плит, к которым с юга примыкает начало остатков фундамента № 7, сложенного из крупных хорошо тесанных плит. На уровне основания этих строительных остатков обнаружены обломки чернолаковой посуды хорошего лака и значительные обломки лепной посуды, среди которых попадались обломки, орнаментированные налепным валиком, что даст возможность этот слой отнести к V в. до н. э.

На этом же участке, на той же самой глубине (0,80 м от поверхности), обнаружены остатки фундамента стен № 14, сложенные из крупных тесанных камней и мелких, последние с наружной стороны стены подтесаны. Остаток этого фундамента длиной в 3 м имел направление с северо-запада на юго-восток. К западу от него находились, возможно, остатки фундамента стены № 13, а севернее остатков фундамента № 14, три тесанных камня, уложенных на поверхности времени строительства, направление приблизительно с севера на юг (План, 15).

В северо-западной части участка «С» и в юго-западной части участка «Е» обнаружен остаток фундамента стены № 16, имеющий направление приблизительно с севера на юг. Длина остатков этого фундамента равняется 3,75 м. Сложен он из сравнительно крупных плит со следами тески, камни уложены на поверхности времени строительства. От южного его конца под прямым углом, в восточном направлении от него, находился ряд мелких камней на протяжении 2 м. (План, 16а). Этот ряд камней, вероятно, является остатком фундамента южной стены. Параллельно остатку фундамента № 16, на расстоянии 2 м от него, севернее и южнее восточного конца предполагаемого фундамента стены № 16-а лежали мелкие камни в одну линию, приблизительно с севера на юг. У северного конца остатка фундамента стены № 16 отмечена вымостка из гольшей, аналогичная описанной выше, которая находится в углу между фундаментами № 10 и № 11 (План, 16). Остатки предполагаемых фундаментов № 16а и 16б намечают в общих чертах помещение, сориентированное грубо с севера на юг, в северо-восточной части которого найдены остатки открытого очага, судя по ширине его (2 м), оно было незначительных размеров.

На этой же глубине залегал ряд мелких камней в одну линию в направлении, приблизительно, с севера на юг и расположенных западнее предполагаемого остатка фундамента стены № 18 (План, 18).

В северо-западном углу участка «Б» находился завал из крупных и мелких камней. В южной части этого завала несколько тесанных камней лежали в ряд по направлению с востока на запад и были, вероятно, остатками фундамента стены № 20.

Остальные строительные остатки этого слоя крайне невыразительны, а поэтому на них останавливаться не будем.

Описанные строительные остатки, судя по глубине их залегания и по обнаруженным в них находкам, отнесены нами к скифскому времени. Углубления для утепления жилищ обычно по своей полезной площади не превышали 4 кв. м. Фундаменты каменных кладок, залегающие на глубине 0,80 м от поверхности, дают возможность предположить, что по величине эти жилища были близкими к жилищам с углублениями (План 10, 9, 11). Среди строительных остатков только в позднескифском слое,

залегающем в 0,60 м от поверхности, встречаются многокамерные жилища более значительных размеров (План 1, 2, 3).

Для характеристики быта поселенцев древней Лузановки приведем сводную таблицу находок.

Обломки амфор: овальных ручек 630, круглых 81, плоских 40, двухствольных 11, с клеймами 11, ножек 360, венчиков 277, горлышек 39 целых эллинистических амфор 3.

Обломков стенок темноглиняных лепных сосудов 851, доньшек 42, венчиков 24, ручек 6, целых сосудов 7. Обломков стенок сероглиняных сосудов, сделанных на гончарном круге, 309, венчиков 32, доньшек 11, ручек 15, целый сероглиняный сосуд-килик 1. Обломков стенок сероглиняных сосудов, сделанных на гончарном круге, покрытых темной обмазкой, 61, венчиков 11, доньшек 10, ручек 9. Обломков стенок толстостенных сероглиняных сосудов, сделанных на гончарном круге, 18, доньшек 13. Обломков стенок красноглиняных сосудов 158, доньшек 14, венчиков 18, ручек 8. Обломков стенок чернолаковых сосудов 158, доньшек 14, венчиков 18, ручек 8. Обломков стенок краснолаковых сосудов 12, доньшек 3, венчиков 3, ручек 3, пифоса 9.

Обнаружены также краснолаковая мисочка 1, солонка 1, глиняный браслет, грузил 47, намоток 15, пряслиц 5, доньшко с графитто, точил 8, обломков мрамора 4, костяная часть рукоятки от бронзового ножа, медный браслет, железных гвоздей 7, свинцовая пластинка и 14 ольвийских монет. Учет зерноотерок не велся.

Для уяснения времени, к которому можно отнести наше поселение, используем монеты и керамику — греческую привозную и местную — лепную и сделанную на гончарном круге.

Амфорные обломки, найденные в помещении между стенами № 2 и № 3 участка «А», после реставрации дали 10 остродонных амфор, обычно относимых к III в. до н. э. Попутно отметим и сероглиняный кувшинчик местного производства, с несколько поврежденным боком. Поверхность его небрежно покрыта черной обмазкой, местами слабее. Кувшинчик имел ручку, которая не сохранилась. Он относится к «позднекифской эпохе» Северо-западного Причерноморья. В этом же поселении найден венчик канфара, разломанный на две части, орнаментированный гирляндой плюща, который можно отнести к III в. до н. э. К концу IV века или началу III в. до н. э. может быть отнесен обломок килика с кольцевым пунктирным орнаментом по дну с внутренней стороны. Этот обломок килика был найден при зачистке пола помещения. Там же найдена и солонка (половинка) от рыбного блюда местного производства из серой глины. Сверху это блюдо было покрыто черной обмазкой. Этот комплекс предметов хорошо датирует рассмотренное помещение IV—III вв. до н. э. Фундаменты стен этого помещения залегают на глубине 0,60 м от современной поверхности, что в свою очередь позволяет датировать находки, залегающие на глубине 0,40—0,60 м от современной поверхности IV—III вв. до н. э.

Амфоры V—IV вв. до н. э. характерны для помещения, от которого сохранились фундаменты стен № 9, 10, 11, залегающие на глубине 0,60—0,80 м от современной поверхности. Здесь были обнаружены 9 амфор. Некоторые черепки одной из этих амфор оказались в разных помещениях. Большинство амфор относится к IV веку до н. э. и происходят они из разных мест, но фасосские были основной группой. Чернолаковая посуда, сравнительно немногочисленная, указывает на те же хронологические рамки, что и амфоры. Обломки же лепной посуды глубже отодвигают нижнюю археологическую рамку, во всяком случае к середине V в. до н. э.

Фрагмент прекрасного по лаку килика на низкой ножке, со штампом на дне в виде пальметки, найденный в юго-западном углу участка «А» вне сохранившихся остатков строений, на глубине 0,80 м, может быть датирован концом V в. или началом IV века до н. э. К этому же времени нужно отнести и сохранившуюся часть другого килика (дно с ножкой), найденного тоже на участке «А». Несколько обломков дна, надо полагать, блюда, обломок венчика какого-то большого по диаметру открытого сосуда, обломок миниатюрной чашечки, еще обломок дна килика и некоторые другие фрагменты своею формою и лаком говорят об их принадлежности к концу V и началу IV вв. до н. э.

К концу IV столетия относится значительное количество сохранившихся чернолаковых обломков. Есть несколько фрагментов сосудов красно-фигурной живописи беглого стиля. Более или менее выразительными являются нижняя часть лекифа (IV в. до н. э.) и сохранившаяся половина гуттуса (III в. до н. э.). III столетием до н. э. могут быть датированы несколько ручек киликов и другие фрагменты.

Кроме описанных обломков явно привозной чернолаковой посуды, раскопками было обнаружено значительное количество обломков краснолаковой керамики и одна краснолаковая мисочка (привозная).

Исходя из описанной керамики, можно утверждать, что поселение существовало с V в. до н. э.

Одновременно с упомянутой глиняной посудой греческого производства или, по крайней мере, производства мастеров, находившихся под влиянием греческой производственной керамической традиции, на Лузановском древнем поселении обнаружено большое количество глиняной посуды, сделанной от руки либо на гончарном станке, полностью являющейся по своим формам и орнаментам местной «скифского» и «сарматского» времени.

Наличие краснолаковой посуды, по лаку и по формам тяготеющей к концу I в. до н. э., а также наличие обломков посуды, сделанной на гончарном круге, с темным или серым покрытием позволяют думать, что поселение существовало не только в I веке до н. э. Отдельные привозные вещи, а главным образом местная лепная и сделанная на гончарном круге керамика, позволяют думать, что поселение существовало с V в. до н. э. по II—III в. н. э. Судя по количеству керамических находок, по их группам, можно думать, что жизнь на поселении была наиболее интенсивной в IV—II веках до н. э. Во втором веке до н. э. интенсивность жизни на поселении резко падает.

Нумизматические находки немногочисленны, притом все монеты ольвийского чекана. Среди монет — 2 медные, весом каждая в 22 гр., с изображением на одной стороне головы Горгоны, а на другой — орла, клюющего дельфина. Эти большие литые монеты были найдены вместе с 11 малыми медными чеканенными, с изображением на одной стороне головы Деметры, а на другой стороне орла на дельфине. Согласно определению А. Н. Зографа, упомянутые литые монеты относятся к последней четверти IV века до н. э., а чеканенные с изображением Деметры к концу IV и началу III столетия до н. э. Монета, найденная раскопками 1930 г., ольвийской чеканки, времени Александра Севера (222—225 гг.).

Эпиграфические материалы из Лузановки представлены графитти, клеймами на ручках амфор, энглифическими клеймами, одним знаком емкости, процарапанным на стенке амфоры, и знаками, сделанными красной краской.

Кости животных, собранные со всей площади раскопа, по штыкам и тщательно изученные А. А. Браунером, позволяют сделать ряд интересных заключений о характере изучаемого поселения.

Собранные раскопками 1937—1938 гг. кости животных распределялись так: бык (и корова) — 58 проц., лошадь — 27 проц., свинья — 1,1 проц., овца — 11,8 проц., собака — 1,1 проц., кошка — 0,7 проц. Среди костей животных интересна находка почти целого черепа комолого животного, в таком виде другой находки мы не знаем. Полученный экземпляр служит ярким подтверждением слов Геродота, говорившего о скифском безрогом скоте.

Любопытно, что костей диких животных совсем не оказалось, если не считать костей лисицы.

Из сказанного ясно, что охота в экономической жизни древних лузановцев не играла заметной роли. Использование же в хозяйственной деятельности крупных домашних животных занимало чрезвычайно видное место. Повидимому, судя по количеству костных остатков, бык далеко оставил позади себя лошадь, будучи применяем как тяговая сила. Приречно-степные полосы земли, превращенные в пашни, еще задолго до «скифского времени», не могли еще удовлетворить потребности населения в хлебе. Бык же, запряженный в плуг с железным лемехом, позволяет жителям выйти на широкие просторы целинных степей.

Процесс распахивания целинных степей в крае начался еще раньше. В результате увеличившиеся запасы продовольствия обусловили быстрый прирост населения в Северо-западном Причерноморье в скифское время, а появление избыточного хлеба стало основной приманкой для греческих купцов и колонистов, которые уже с VII в. до н. э. знают дорогу в наш край.

Медные ольвийские монеты говорят о торговых связях древних лузановцев с Ольвией, одним из центров экономической и культурной жизни Северо-западного Причерноморья, откуда лузановцы, вероятно, получали предметы как ольвийского, так и заморского греческого производства, но это были главным образом предметы роскоши.

Незначительное количество монет и сравнительно много посуды греческого производства, найденных в Лузановке, позволяют думать, что торговля в основном была меновой.

У обитателей Лузановки явно господствует глиняная посуда местного производства, как лепная, так и сделанная на гончарном круге. Сосуды местного производства по своей форме и орнаментации генетически связаны с более ранними периодами. В сероглиняных сосудах с темным покрытием отчетливо выступают черты, которые позже развиваются в раннеславянском керамическом производстве. Раскопками гончарной мастерской в Лузановке не обнаружено, но большое количество глиняной посуды из местной глины, сделанной на гончарном круге, позволяет предположить, что в древней Лузановке, хотя и на последних этапах ее существования, уже выделилось гончарное ремесло.

Находки грузил для рыбацких сетей и рыболовных крючков говорят о занятии населения рыболовецким промыслом. Лиманы, в том числе и рядом лежащий Куяльницкий, в то время, будучи соединены с морем, представляли удобные места как для рыбной ловли, так и для добывания соли. Утверждение Геродота о самоосадочной соли в устьях приднепровских лиманов, вероятно, следует распространить и на приодесские лиманы.

Намотки и пряслица, обнаруженные раскопками в значительном количестве, свидетельствуют о занятии древних лузановцев прядением и

твачеством. Для этого они использовали местное сырье в виде шерсти овец, а возможно, и конюшню, как об этом говорит Геродот¹.

Изделия из металла были представлены железными гвоздями, ножами и другими предметами домашнего обихода. Изделия же из меди и свинца, главным образом украшения, найдены в ничтожном количестве, сравнительно с изделиями из железа. Все это свидетельствует о господстве железных орудий труда, которые производились на месте.

Последнее предположение оправдывается открытием Б. Н. Гракова на Каменском городище, под Никоподем и нашим — в урочище Вершина (с. Ильинка, под Одессой), где была найдена печь железообрабатывающей мастерской.

¹ Геродот. IV, 74.